

сина разочаровалась во всем своем окружении. Но Мария Ивановна обрела то, о чем долго мечтала – свободу выбора.

Турусина. Вижу, мой друг. Извини меня! Я очень дурно сделала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мне и не по уму, и не по силам. Располагай собой как хочешь, я тебе мешать не буду.

Машенька (тихо). Мой выбор уж сделан, та tante¹⁰.

Ее демонстративное «послушание» привело к исполнению заветного желания. Но во многом ее успешность объясняется использованием тех же приемов покорного угождения, которые на протяжении всей комедии использует Глумов. Эти несостоявшиеся супруги действуют практически параллельно друг другу, ни разу не обменявшись на сцене репликами. Но при этом они являются своеобразными двойниками, продвигающими в

современной А. Н. Островскому действительности извечные молчалинские принципы «умеренности и аккуратности».

Примечания

- ¹ Островский А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 5. М., 1950. С. 293.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 294.
- ⁴ Там же. С. 323.
- ⁵ Там же. С. 320.
- ⁶ Там же. С. 329.
- ⁷ Там же, С. 323.
- ⁸ Журавлева А., Некрасов В. Театр А. Н. Островского : книга для учителя. М., 1986. С. 33.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Островский А. Указ. соч. С. 332.

УДК 821.161.1.09. 929 [Миллер+Шеллер-Михайлов]

О. Ф. МИЛЛЕР О ТВОРЧЕСТВЕ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

И. А. Книгин

Саратовский государственный университет
E-mail: igor.knigin2012@yandex.ru

Рассматриваются особенности литературно-критического подхода к творчеству одного из самых популярных русских авторов второй половины XIX в., представленного в забытой работе выдающегося отечественного филолога, приуроченной к писательскому юбилею.

Ключевые слова: Шеллер-Михайлов, Миллер, критический этюд, эпиграф, нравственные и семейные вопросы, направление.

O. F. Miller on the Oeuvre of A. K. Sheller-Mikhailov

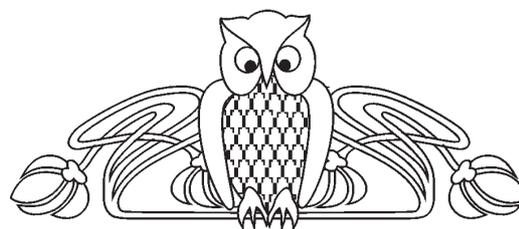
I. A. Knigin

The article considers features of the critical literary approach to the oeuvre of one of the most popular Russian authors of the second half of the XIXth century represented in a forgotten work by a prominent Russian philologist dedicated to the jubilee of the writer.

Key words: Sheller-Mikhailov, Miller, critical sketch, epigraph, moral and family issues, trend.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-4-73-77

В конце октября 1844 г. В. Г. Белинский написал «Вступление» к первой части подготовленного Н. А. Некрасовым альманаха «Физиология Петербурга», где сокрушался по поводу того, что русские «гениальные действователи» – Гоголь, Грибоедов, Пушкин и Лермонтов – «...не окружены огромною и блестящею свитою талантов, которые были бы посредниками между ими и публикою, усвоив себе их идеи и идя по проложенной ими дороге. Этим последним у нас слишком немного,

хотя некоторые из них и действительно замечательны и силою и блеском; другие, и это менее сильные и блестящие, одолжены своим успехом тому, что, хорошо зная русскую действительность, умеют и верно понимать её. К сожалению, этих последних ещё менее, чем сильных и блестящих талантов. А между тем, в них-то больше всего и нуждается наша литература <...>. Литература, в обширном значении этого слова, представляет собою целый живой мир, исполненный разнообразия и оттенков, подобно природе, произведения которой делятся на роды и виды, классы и отделы и от громадных размеров слона доходят до миниатюрных размеров колибри. Бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата и литература, в которой всё – или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы»¹. Впоследствии употреблённое критиком тяготеющее к смягчённой нейтральности словосочетание «обыкновенные таланты» обрело, по сути, такой же смысл в более жёсткой, с привкусом определённого негатива, формулировке «второстепенные авторы», поле деятельности которых могло быть самым разнообразным.

Обращаясь к изучению различных явлений культурной жизни в широкой исторической перспективе, неизбежно приходится сталкиваться с понятием «второстепенного» по отношению и к

творчеству, и к личности художника. Нельзя не согласиться в этой связи с мнением видного советско-израильского искусствоведа Г. С. Островского: «Наше знание той или иной исторической эпохи складывается, как правило, из двух тесно взаимосвязанных качеств: собственно знания и научного истолкования всех доступных нам фактов, движущих сил, тенденций и т. п., с одной стороны, и живые ощущения самого духа времени, его атмосферы, колорита, неповторимого своеобразия – с другой. Нередко такое ощущение дают нам не столько жизнеописания широко известных, выдающихся деятелей истории, сколько судьбы и личности второстепенных по отношению к ним, а то и рядовых представителей эпохи. При этом не исключается возможности того, что более пристальное внимание к ним послужит уточнению, а быть может, и пересмотру широких, общезначимых явлений»².

Если воспользоваться определением Белинского, и О. Ф. Миллер, и А. К. Шеллер-Михайлов, вне всякого сомнения, должны быть удостоены почётного звания «обыкновенных талантов», без которых трудно представить отечественную словесность, когда речь заходит о её подлинных богатствах. Невзирая на пятилетнюю разницу в возрасте, изначально разные мировоззренческие позиции, у них неожиданно оказалось немало общего. Их связывали не только эпохальные события, но и учёба на историко-филологическом факультете Петербургского университета, и беззаветная, преданная любовь к отечественной культуре и русской литературе. Примечателен и такой факт: отец Шеллера был обрусевшим эстонцем из крестьян, мать происходила из родовитой, но обедневшей дворянской фамилии, а Миллер появился на свет в семье обрусевшего шведа и высокородной остзейской дворянки в Эстляндской губернии, где был рождён отец романиста. И ещё одна достойная внимания деталь: Александр Константинович и Орест Фёдорович никогда не женились, но чуть ли не всю жизнь оба были обременены серьёзными семейными обязанностями – первый преданно и нежно заботился о горячо любимых родителях, а второй, очень рано лишившись родителей (мать умерла при родах, а отец скончался, когда ему исполнилось три года), никогда не забывал о тётках, сёстрах и племянниках. Не случайно именно семейные отношения как главную нравственную составляющую шеллеровского творчества рассматривал Миллер в своём юбилейном очерке о писателе. Наконец, вопреки широкой известности и шумной популярности, ни тот, ни другой не оставили после себя никакого материального состояния, а незадолго перед кончиной оба испытывали насущную нужду.

Александр Константинович Шеллер-Михайлов (1838–1900) был в числе ярких и весьма деятельных участников отечественной литературы и журналистики второй половины XIX столетия, однако сам отводил себе скромное место литера-

тора-труженика, неприязнательно, но отчетливо заявив о своей роли «второстепенного литературного деятеля, делающего по мере сил и разумения своё дело»³. Один из авторитетнейших историков и подлинных знатоков нашей словесности и журналистики И. Г. Ямпольский подчёркивал: «В произведениях второго ряда, которые внесли свой вклад (иногда немалый) в историю русской литературы, по-своему отражены и общественные идеи и настроения, и художественные искания, формирование тех или иных эстетических взглядов и литературных направлений и их упадок, литературно-общественное движение в целом»⁴. Данное суждение трудно оспорить.

Несомненно, Шеллер-Михайлов был объединяющей ключевой фигурой в литературном процессе практически всей второй половины XIX столетия, испытывая всепоглощающий, ни на миг не затухающий интерес к самым разным и русским, и европейским писателям. Он был подлинным наставником молодых, их надёжной опорой в затруднительных обстоятельствах. Уже с первых шагов своей литературно-журнальной деятельности Шеллер-Михайлов не чурался черновой редакторской работы, права корректуры самых разнообразных журнальных и газетных материалов. Он печатался в главных по роли в обществе и наиболее заметных в те годы ежемесячных журналах – «Современнике», «Русском слове», «Деле», «Искре», «Русском богатстве», «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Северном вестнике» (внушительный список можно дополнять). Писатель всегда оставался в курсе общественно-литературных, культурных и научных событий, был истинным книголюбом, широко образованным человеком, стремящимся поделиться знаниями и с совсем юным читателем, и с заинтересованной молодёжью, и с человеком зрелым, искушённым.

В замечательной плеяде отечественных литературоведов девятнадцатого столетия имя Ореста Фёдоровича Миллера (1833–1889), безусловно, занимает весьма значимое место. Конечно, о нём вспоминают прежде всего как о крупном фольклористе, чьи труды, посвящённые тщательному изучению богатырского эпоса, оригинальной интерпретации мифологических теорий А. Н. Афанасьева, по-прежнему остаются востребованными, вызывающими серьёзный и глубокий интерес⁶. Высоко оценивается современниками и историками российского университетского образования вклад учёного-педагога в становление и развитие изучения и преподавания русской литературы на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, где, помимо фольклора, любимец студентов и блестящий лектор «читал систематические курсы “Русской литературы с древнейших времён до XVII века”, “Истории русской литературы до XIX века включительно”, а также дополнительные курсы, посвящённые творчеству писателей-современников (например, “Объяснительные чтения о новейших

писателях: С. Т. Аксакове и А. Н. Островском»)»⁷. В различных контекстах в наши дни всё чаще упоминается разнообразнейшее публицистическое наследие Миллера, по-своему, нестандартно трактующее идеи традиционного, «классического», так сказать, славянофильства, и выпуск в свет Институтом русской цивилизации в 2012 г. солидного тома его избранных трудов⁸ по праву можно считать выразительным подтверждением неслучайного интереса к идеям и высказываниям мыслителя-журналиста.

В меньшей степени (и, надо сказать, совершенно незаслуженно) О. Ф. Миллер известен в качестве автора ярких работ по истории отечественной литературы позапрошлого века, а также пристрастного, в правильном значении слова, и одновременно восторженного литературного критика, которого всечасно волновали самые жгучие проблемы, связанные с текущим литературным процессом. При этом не стоит забывать, что подавляющее большинство опубликованных критических выступлений Миллера о современных писателях основывалось на его университетских и публичных лекциях. И те, и другие принимались слушателями восторженно, о чём даже упоминает в своей книге «Русские критики» А. Л. Вольнский: «Аудитории, в которых читал Миллер, ломались от публики, встречавшей и часто покрывавшей бурными рукоплесканиями его рассуждения о русской литературе...»⁹ Следует заметить, что, по сути, с этого времени в отечественной литературной критике жанры «статей-лекций», «статей-речей», «статей-слов» (имеются в виду слова юбилейные и некрологические) обретают постоянную прописку и становятся популярнейшими среди массовой читательской публики. Конечно, и О. Ф. Миллер адресовал свои литературно-критические опыты в первую очередь широкому читательскому кругу, вряд ли обременённому грузом «специальных» знаний и представлений и ни в коей мере не ориентированному на определённые догмы и стереотипы. Именно на такого читателя всегда ориентировался в своём творчестве и А. К. Шеллер-Михайлов.

Среди миллеровских публикаций, посвященных новейшей литературе, статья о Шеллере-Михайлове в ежемесячном историко-литературном журнале «Пантеон литературы», издававшемся с 1888 по март 1895 г. в Петербурге, занимает особое место. Особое потому, что, по словам А. И. Фаресова, авторитетного биографа и первого основательного исследователя деятельности писателя, Шеллер говорил: «Статья Ореста Фёдоровича обо мне – самая симпатичная из всех, какие я когда-либо читал о себе»¹⁰.

Каждая публикация в «Пантеоне литературы» имела свою единую пагинацию и особый титульный лист. Статья Миллера входила в июньскую (стр. 1–16) и сдвоенную июльско-августовскую (стр. 17–35) книжки журнала и предлагалась читателю как отдельное 35-страничное издание,

каковым обычно и представляется, без каких бы то ни было оговорок, в соответствующих справочно-библиографических пособиях. На 1-й странице (она же – титульный лист) указано: «О. Ф. Миллер. А. К. Шеллер (Михайлов). По поводу его юбилея. Издание журнала «Пантеон литературы». С.-Петербург. Типография Н. А. Лебедева, Невский просп., д. № 8. 1889». На 2-й странице – «Дозволено цензурою. С.-Петербург, 20 мая 1889 г.». На странице 3-й помещено заглавие, отличающееся от титульного листа: «А. К. Шеллер (А. Михайлов). 1863–1888 г. По поводу юбилея. Этюд О. Ф. Миллера». Обращает на себя внимание примечание автора к названию этюда на той же странице, кратко объясняющее причину его создания и довольно запоздалое появление в свет: «Труд этот задуман был вслед за 25-летним юбилеем нашего романиста, в виде публичной лекции. Прочтение этой лекции не могло состояться. Перенесённый затем на бумагу, труд этот был принят редакцией одного толстого журнала, но, пролежав в ней, возвращён автору. Вот почему он запоздал».

Здесь же расположены два принципиально значимых семантически нагруженных эпиграфа – прозаический и поэтический – из Шеллера-Михайлова. Прозаический отрывок был взят из XIX главы «Заклучение первой части» романа «Гнилые болота. История без героя» и воспроизведён без вопросительного знака в конце предложения, имеющегося в тексте: «Друг-читатель, моя история не художественна, в ней многое недоговорено, и могла бы она быть лучше обделана; но нам ли труженикам-мещанам писать художественные произведения, холодно задуманные, расчётливо эффектные и с безмятежно-ровным полированным слогом». Отрывок поэтический – две строфы из «Пролога к стихотворениям»:

Каким бы чистым вдохновеньем
Ты не сверкнула, песнь моя, –
Не ты мне будешь утешеньем
И не тобой горжуся я.

... ..
К чему я призван в день рожденья,
Тем я останусь навсегда, –
Героем гордого терпенья
И всемогущего труда.

Оба эпиграфа задали основную тональность дальнейшего разговора о творчестве Шеллера-Михайлова, а их важность подчёркнута критиком: «Так сам себя определил тот писатель, которого двадцатипятилетняя литературная деятельность чувствовалась так скромно, но так задушевно, 10 октября прошлого года, без особой публичной огласки, в кругу ближайших соратников и почитателей. Да, героизм труда и устойчивости оставался незыблемым идеалом Михайлова, а потому его сочинения будут иметь и для грядущих поколений настоящее воспитательное значение. В них постоянно слышится хороший человек, каким невозможно быть без идеала и твёрдой веры в

него»¹¹. Отталкиваясь от нравственно-философских шеллеровских идеалов и педагогических представлений, Миллер сосредоточился на этической составляющей большинства произведений романиста.

Соглашаясь с общепринятой к тому времени точкой зрения о принадлежности романиста к «социальным писателям», критик обратил внимание на то, что он не только констатирует общественные недуги, но и умеет отыскать и указать их нравственные причины. В нарисованных Шеллером-Михайловым картинах жизни «вполне чувствуется вся трудность борьбы со средою, вся тяжесть такого самовоспитания, которое могло бы привести к сколько-нибудь законному довольству самим собою. Он постоянно заглядывает туда, где должны бы были не только рождаться, но и нравственно формироваться новые пришельцы в мир, – в семью (здесь и далее в цитируемом тексте курсив Миллера. – И. К.), заглядывает для того, чтобы показать, до какой степени именно семья-то, в её настоящем смысле, прежде всего и отсутствует. <...> Семья для Михайлова – та утраченная святыня, без которой и жить-то по-человечески невозможно. Восстановлению этой святыни, как того очага, около которого должны вырастать настоящие труженики руками и мыслию, и посвятил он прежде всего свое неутомимое перо» (4).

В связи с творчеством Шеллера-Михайлова критик коснулся самых животрепещущих вопросов, имеющих связь с семьёй и семейными отношениями. Отталкиваясь от таких произведений, как «Наша первая любовь», «Вразброд», «Голь», «С квартиры на квартиру», «Лес рубят – щепки летят», подкрепляя собственные рассуждения полновесными цитатами, автор «этюда» размышлял об узах брака как основополагающих семейных началах, о значении женитьбы, об обязанностях родителей перед детьми. Миллер обратил внимание читателей на то, что романист одним из первых в русской литературе показал роль облагораживающего совместного труда родителей и детей в становлении счастливых бедных семей, противопоставив им нравственную пустоту семей богатых, но несчастных, существующих без «духовного воздуха». По мнению критика, с вопросами семейными в творчестве Шеллера тесно сопряжены темы воспитательные: «Многие романы Михайлова – два первых (имеются в виду опубликованные в некрасовском «Современнике» романы «Гнилые болота. История без героя» (1864) и «Жизнь Щупова, его родных и знакомых. Автобиография» (1865). – И. К.), почти целиком, а дальнейшие в значительной части – тем, между прочим, и оригинальны, что их можно прямо назвать романами педагогическими (в первых двух даже почти нет того, что называют обыкновенно романами). Тут мы находим ту здравую педагогику, которой не доставало у нас не только в тёмные дореформенные времена, но и в светлую эпоху преобразований» (14).

Подробно остановился Миллер на разборе нравственных коллизий в романах «Жизнь Щупова...», «Вразброд», «Господа Обносковы», заостряя интерес на приоритете провозглашённого автором аскетизма ради общественного служения в «Засорённых дорогах», подчёркивая духовную красоту любимых героинь писателя из рассказов «Наседка» (старая дева, всю себя отдающая детям умершей сестры) и «Не нам судить» (вдова-мачеха, беззаветно привязанная к пасынку). Для критика было важно указать, что определяющим, стержневым понятием для Шеллера-Михайлова во всех произведениях становится мотивированная высоконравственная любовь: «Он постоянно взывает к любви, а не к ненависти. Он положительно не хочет разводиться духовно голодных с физически голодными, как не хочет разводиться и людей старого воспитания с молодым поколением, отцов с детьми. Он хочет всех привести к единению, видя всё зло именно в том, что люди идут “вразброд”. Говоря о любви как о руководящем начале в жизни, он имеет в виду не только чувство, ею согреваемое и расширяемое, но он имеет в виду и ум, проясняемый её внушениями, определённо и твёрдо сознающий, под их влиянием, как надо действовать, и волю, побуждающую действовать именно так, как надо, не допускающую в человеке каких-либо уклонений в сторону» (32).

Творчество писателя автор юбилейной статьи считал особенным явлением в русской литературе, не до конца, порой и превратно, понятым, а требовательно обоснованные в нём нравственные принципы признавал заключающими «в себе существенное дополнение, поправку к направлению 60-х годов. Если бы поправка эта была понята, принята к сердцу, многое бы вышло у нас не так. Много надежд, много начинаний не потерпело бы такого крушения!» (34).

Не останавливаясь на поэзии Шеллера-Михайлова так же подробно, как на прозе, Миллер отметил в ней те же определённые незыблемые положения нравственного характера и откровенную осознанную публицистичность. В стихотворениях он, по словам профессора, противопоставляет «долю бедняка доле богача, точно так же преклоняется перед упорным терпением первого, перед святостью его так мало обеспечивающего труда, точно так же указывает второму на спасительный пример первого, точно так же взывает к настоятельной помощи бедняку со стороны общества, со стороны государства, чтобы не дать бедняку изнеможеть под тяжестью своего труда, но точно так же и боится надления теперешнего бедняка, надления его в будущем, всеми соблазнами широкой жизни, всеми пороками богатых людей. В теперешних обездоленных и отвергнутых он хотел бы видеть в будущем прочный краеугольный камень для нового общественного здания, в самом деле надёжных новых людей, а не только новое тесто на той же старой промозглой закваске» (34).

Как и многие современники, О. Ф. Миллер дал высокую оценку компиляционным научным трудам А. К. Шеллера-Михайлова по самым существенным социальным вопросам и их истории, которые пользовались неизменным читательским успехом. Примечательно, что в них он тоже рассмотрел «прежде всего того же хорошего человека», который вставал за его романами.

Разумеется, жанр юбилейной статьи не предполагает критического отношения к деятельности того, кому она посвящена. Миллер в своём «этюде» придерживается исключительно доброжелательной оценки литературного труда Шеллера-Михайлова, однако это не помешало ему продемонстрировать мастерство профессионального литературного оценщика в неожиданных проницательных наблюдениях над текстами писателя, сделать глубокие и оригинальные выводы. Пожалуй, именно с миллеровского выступления началось заметное переосмысление творчества Шеллера-Михайлова в журнальной и газетной критике, до этого обычно предпочитавшей по большей части замечать недостатки и просчёты на редкость плодовитого автора, испытывая несомненное воздействие оценок и приговоров тех, кто использовал его произведения в качестве удобного иллюстративного материала в жёстких идейно-эстетических полемиках 1860–1880-х гг.

Вдохновенное и доброжелательное слово О. Ф. Миллера о писателе-альтруисте, подлинном писателе-труженике неожиданно отозвалось в другой юбилейной статье, к удивлению, напечатанной в наши дни на страницах «Литературной газеты» в честь практически не замеченного 175-летия со дня рождения А. К. Шеллера-Михайлова. Вряд ли её автор Светлана Замлелова читала давний и совершенно забытый профессорский этюд (во всяком случае, не удалось обнаружить в газетной публикации каких-либо следов чтения), но именно её словами уместно завершить это сообщение: «Масштаб дарования Шеллера не позволил ему встать в один ряд с великими. Да, порой он повторяет сам себя. Да, порой герои его произносят напыщенные монологи протяжённостью в три страницы. И тем не менее романы Шеллера нескудно читать, они насыщены событиями, добро в них побеждает зло, подлецы и негодяи либо караются, либо встают на путь

исправления. И таки исправляются! <...> Шеллер оказался выразителем чаяний немалого числа людей, нуждавшихся в слове добра и правды. В искреннем и горячем слове писателя, который, не мудрствуя, звал их к лучшей жизни и уверял, что такая жизнь возможна, стоит лишь каждому сделать над собой усилие и превозмочь порок, заняться делом на благо ближним»¹².

Примечания

- 1 Физиология Петербурга / подг. В. И. Кулешов. М., 1991. С. 9. (Сер. «Литературные памятники».)
- 2 *Островский Г.* Никола Образописов, художник болгарского Возрождения // Панорама искусств 7 : сб. М., 1984. С. 80.
- 3 *Фаресов А.* Александр Константинович Шеллер. Биография и мои о нём воспоминания. (С двумя портретами). СПб., 1901. С. 19.
- 4 *Ямпольский И.* Поэты и прозаики. Статьи о русских писателях XIX – начала XX в. Л., 1986. С. 3.
- 5 См.: *Власова З., Рябов А.* Миллер [Орест (Оскар) Фёдорович] // Русские писатели. 1800–1917 : биограф. словарь : в 4 т. Т. 4. М., 1999. С. 53–55.
- 6 Подробнее об этом см.: *Баландин А.* Мифологическая школа // Академические школы в русском литературоведении / ред. колл. : Н. Ф. Бельчиков [и др.] ; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1975. С. 78–85.
- 7 *Карпов А.* Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета : эпохи и имена (1819–1919) // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы : взгляд из России – взгляд из зарубежья : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Карпов. СПб., 2011. С. 23.
- 8 См.: *Миллер О.* Славянство и Европа / сост., предисл., коммент. Ю. В. Климаков ; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2012. (Сер. «Русская цивилизация».)
- 9 *Волынский А.* Русские критики : литературные очерки. СПб., 1896. С. 223.
- 10 *Фаресов А.* Указ соч. С. 34.
- 11 *Миллер О.* А. К. Шеллер (Михайлов). По поводу его юбилея. СПб., 1889. С. 3–4. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте с указанием страницы в скобках.
- 12 *Замлелова С.* Без скуки и отвращения // Лит. газ. 2013. 11–17 сент. С. 11.